

**СЕВЕР
ТОПОР И СКАЛА**

ЧЕСТЬ ГОРЦА

Шадори появились именно с той стороны, откуда их и ждали. Двенадцать груженных, словно мулы, мужчин вышли из леса на восточном краю горного луга, полонины. Остановились на линии деревьев. Выглядели они так, словно шли без остановки несколько последних дней: грязные, обросшие, задыхающиеся. Близился вечер, и солнце било им в глаза, а привольно раскинувшаяся полонина, чуть неровная и припорошенная свежим снегом, казалась пустой и спокойной. Соблазняла, обещая легкую дорогу и отсутствие засады.

Конечно же, обманывала.

Первый из мужчин сделал несколько шагов, по колени проваливаясь в мягкий пух. Снег, должно быть, выпал не раньше прошлой ночи. Пришлец поправил на спине большой мешок, что-то рывкнул остальным и двинулся вперед, намереваясь, как видно, пересечь луг наискось, кратчайшим путем. Остальные последовали за ним, держа дистанцию в несколько футов. Шагов через сто проводник остановился, тяжело дыша, и подал знак второму в цепочке, чтобы тот его заменил. Сам подождал, пока остальная группа минует его, и занял место в конце. Еще через сто шагов произошла следующая смена, потом еще одна. Для людей, наверняка

шедших без остановки всю ночь, они удерживали хороший темп. За четверть часа одолели половину дороги.

И тогда полонина их предала.

Снег в десятке-другом мест по обе стороны от растянувшейся змеей группы взорвался. Из взвеси ледяного пуха выскочили укутанные в меха, размахивающие оружием фигуры. Воздух задрожал от крика:

— Горная Стража! Бросить оружие!

Шадори и не подумали подчиниться.

* * *

А вскоре все закончилось. Лейтенант Кеннет-лив-Даврит равнодушно смотрел, как его люди проверяют ножами, не притворяется ли кто из бандюганов мертвым. Двоих, взятых живьем, как раз вязали в сторонке. Полонина уже не походила на оазис покоя — на стоптанном снегу, меж трупами и брошенными выюками, расцвели пятна яркого багрянца. Местами выглядывала и прошлогодняя травка.

— К хренам пошел живописный вид, — пробормотал он в пространство.

— Вы о чем, господин лейтенант? — Стоящий чуть в стороне десятник взглянул вопросительно.

— Ничего, ничего, Вархенн. Я после ночи в норе всегда сам с собой болтаю. Какие потери?

Татуированное лицо младшего офицера расцвело:

— Трое раненых. Но только один серьезно: получил удар в колено и не сможет идти.

— Нормально, я и так должен отправить гонца в Беленден. Когда присоединятся остальные, приготовьте сани и собак.

— Так точно.

Лейтенант глянул на пленников:

— А эти?

— Один молокосос и один идиот. Толку от них не будет.

— Посмотрим.— Офицер повернулся к группе солдат: — Андан! Удостои-ка вниманием своего командира!

Андан-кейр-Треффер, самый молодой из его десятников, послушно подскочил, и казалось, ни тяжелый чешуйчатый панцирь, ни пояс, оттянутый саблей и топором на короткой рукояти, ему не мешали. Кеннет знал, что это отнюдь не чрезмерное усердие и не желание выслужиться. После ночи, проведенной в вырытых в снегу норах, каждая возможность движения казалась благословением. Младший офицер был невысоким и кряжистым, к тому же заросшим, словно медведь: на темной улице наверняка перепугал бы до полусмерти кого угодно. Лейтенант мысленно вздохнул и перевел взгляд на другого десятника.

Вархенн Велергорф, седой и усаый, в короткой кольчуге, кожаных портах и косматом кожухе, наброшенном на спину, выглядел сущим разбойником. Щеки, лоб и тыльные стороны его рук покрывали голубые, серые и черные племенные татуировки. Напоминающий палаческое оружие топор с длинной, дюймов в десять, бородкой он держал небрежно переброшенным через плечо. Железо все еще оставалось липким от крови. «Выглядим мы, проклятущее проклятие, хуже банды головорезов,— подумал Кеннет.— Ничего странного, что нам велят кричать пароль при каждой встрече».

— Андан,— сперва обратился он к молодому десятнику.— Собери людей. Хочу сказать им пару слов. Потом обыщи шадори. Может, узнаем, куда они шли.

Десятник исполнил нечто, при определенной фантазии могущее сойти за салют.

— Та-а-аточно. А чародей?

Офицер скривился:

— Не стану его дожидаться. Знает не больше нашего, а хлопот от него... Да и не затем я приказывал Берфу держать

его подальше, чтобы теперь дожидаться его милость мастера, — сказал он с иронией. — Ах да, Андан, никаких отрезанных ушей, не у этих сукиных детей.

— Ясно.

— Бегом!

Коренастый младший офицер впереvalочку направился к солдатам. Кеннет повернулся к Велергорфу:

— Когда Андан закончит, пошлешь несколько человек, чтобы приготовить на краю леса большой костер.

— Так точно.

— Потом допросим этих двоих. Что же до сбора... Ты помнишь о моей просьбе?

Седой десятник слегка усмехнулся:

— Помню, господин лейтенант.

— Тогда держи уши на макушке.

Кеннет повернулся в сторону закатного солнца. Там полонина выглядела чистой и спокойной. «А ведь в мерзейшее дерьмо мы вляпались, — подумал он. — И прежде чем дело закончится — перемажемся по уши».

В десятке шагов позади Андан закончил строить отряд в шеренгу. Семнадцать солдат — живописная компания, облаченная в дивную коллекцию панцирей, шлемов, щитов и самого разного оружия. Только трое озаботились надеть плащи со знаками Горной Стражи. Лейтенант зашагал в их сторону.

Он знал, что и сам выглядит не лучше. Носил меховой кубрак, наброшенный на рубаху сурового полотна, крепкие сапоги и штаны из кожи молодого тюленя, шитые, по ахерской моде, шерстью внутрь. Дополняла все латаная кольчуга, простой шлем, длинный меч и округлый щит с островерхим умбоном. Если бы не светло-серый плащ с вышитыми на груди двумя шестерками и стилизованной мордой вессирской овчарки — символом Горной Стражи — никто бы в здравом уме не посчитал его императорским солдатом.

Горная Стража была одним из тех подразделений Меекханской империи, чья история уходила во времена предмеекханские. Прежде чем империя в своем движении на север уперлась в горы Ансар Киррех, этими землями владела свободная лига вессирских племен, чьей главной силой были как раз отряды воинственных горцев, именовавшиеся Горной Стражей. Во время войны с Меекханом стражники, знающие окрестности как свои пять пальцев, не раз и не два утирали нос имперской пехоте, вызывая удивление и неохотное признание оккупантов. Через шесть лет война закончилась принятием империей протектората над землями между рекой Ванавен и горной цепью Большой хребет. За следующий десяток-другой лет протекторат мягко перерос в аннексию. Случилось это благодаря крайне рассудительной политике империи, которая признала за туземцами полноту прав, какими пользовались родовитые меекханцы, и особо не вмешивалась в местные обычаи и традиции. А славившаяся прагматизмом имперская армия при случае прибрала к рукам и Горную Стражу, оценив ее умения и навыки. В местах, лишенных проложенных дорог, на горных тропках, в узких ущельях и на ветренных пиках стражники попросту оказались куда лучше регулярной тяжелой пехоты. Им даже позволили сохранить первоначальное деление на отряды, насчитывавшие сто и тысячу человек, однако назывались они теперь – уже в соответствии с меекханским обычаем – ротами и полками. Если сравнивать с полками меекханской пехоты, насчитывавшими двенадцать рот по двести человек, отряды Горной Стражи были меньше, но куда быстрее и значительно мобильней. Идеальные для горных схваток. Стражники рекрутировали солдат из местных горцев, позволяя каждому сохранять собственное вооружение и использовать любимый стиль битвы, поскольку в этих местах редко доходило до сражений в строю, сомкнутыми отрядами, щитом к

щиту. В результате всякий отдельный отряд Горной Стражи выглядел бандой разбойников. И лейтенант Кеннет-лив-Даравит, собственно, перед таким отрядом и стоял.

— Смирно! — У десятника Андана-кейр-Треффера для его роста был мощный голос. Шеренга выпрямилась, более или менее удачно пародируя уставную стойку.

— У вас нынче все прошло легко. — Кеннет остановился перед солдатами, пристально глядя на каждого. Проклятие, да большинство из них — старше него. — И знаете почему? Потому что они шли сюда ночь и день без отдыха. Половина сразу легла от стрел, а остальные оказались слишком измучены, чтобы отбиваться, как могли бы.

Он остановился, дав им минутку, чтобы обдумать его слова.

— Это было доброе сражение. Но следующее может оказаться куда тяжелее. И мы все еще не знаем ни где укрылась остальная часть клана, ни сколько их вообще осталось. — Он не слишком понимал, что делать с руками, потому заложил их за пояс. — Теперь мы подождем Берфа и чародея. Десятник Велергорф найдет занятие для кое-кого из вас. Остальные займутся установкой палаток и разведанием огня. После двадцати часов в норах нам пригодится теплая еда.

Они откликнулись согласным гулом.

— Однако прежде нужно убраться. Согласно приказу, от шадори не должно остаться и следа. Это скверная работа, но вместо нас ее никто не сделает.

Шеренга хранила мертвое молчание.

— Для начала — по полкружки водки на человека. — На этот раз гул был куда более радостным. — А для тех, кто не стыдится собственных знаков, — по полной. — Кеннет выразительным жестом указал на троих солдат, одетых в серые, обшитые белым кантом плащи из некрашеной шерсти. — Разойтись.

Лейтенант вздохнул. Он все еще не чувствовал себя в подобных ситуациях уверенно — и, что хуже, ему казалось, что и остальные прекрасно об этом знают.

— Господин лейтенант. — Велергорф вырос перед ним, словно из-под земли. — Я насчет вашего приказа.

— Помню. Давай-ка сюда.

Они отошли на десяток шагов.

— И как?

При Велергорфе Кеннету можно было не притворяться. Они служили вместе пять лет — сперва в одной десятке, как обычные солдаты, позже он сделался десятником, а Велергорф — его правой рукой. Приняв командование над только что созданной шестой ротой, Кеннет отдал ему собственную десятку, полностью доверяя умениям и опыту старого горца. А потом отвел его в сторону и попросил, чтобы тот следил за его руками и указывал на ошибки.

— Неплохо. Коротко и по сути. — Десятник говорил шепотом. — Не много есть вещей хуже, чем командир, часами напролет строящий и отчитывающий людей после сделанной работы. Но не делите их на худших и лучших из-за плащей. Иначе начнутся проблемы.

— А как же их заставить носить знаки собственной роты?

Десятник зачерпнул горсть снега и принялся оттирать кровь с лезвия топора.

— Им нужно время, — помолчав, заговорил старый солдат. — Эта так называемая рота — лишь четыре десятки, набранные из разных отрядов и дополненные рекрутами. Десятка Андана пришла от Черных Штанов Берхоффица, а о них — кто не слышал? Берф — из восьмой роты Двенадцатого полка, из Диких Псов. И это тоже славное имя. А парни, которых вы мне дали, — это Забияки из Галлена. Первая рота, Четвертый полк. Все — известные и заслуженные отряды. Они годами работали на свою славу.

А что здесь? Их перебрасывают в Шестой полк, который и возник-то с год назад и за которым нет ни серьезной кампании, ни побед: он и формироваться-то еще продолжает. К тому же все они попадают сюда лишь потому, что полк не может совладать с единственным кланом одичалых горцев. Они просто чувствуют себя обманутыми. Их забрали из собственных отрядов и придали самому молодому полку в Страже. И ко всему — самой свежей роте, которой командует не пойми что за молокосос.

— Я не просил о звании.

— Я слышал. Значит, мало того что молодой, так еще и глупый...

Кеннет громко рассмеялся. Несколько стоявших неподалеку солдат повернули к ним головы.

— Хорошо.— Велергорф тоже улыбнулся.— Если командир смеется, значит, все идет как надо. А еще хорошо, что вы... ну... того...

— Рыжий?

— Да, господин лейтенант. Все знают, что горы любят красноволосых. И это суеверие все еще живо отсюда аж до восточного Джехира.

— Ну, за это я могу благодарить отца, поскольку тот женился на самой рыжей девушке округи, хотя все его отговаривали. Но речь не обо мне, а о моих людях, Вархенн. На что еще мне следует обратить внимание?

— Просто дайте им время, господин лейтенант.— Десятник заткнул топор за пояс и почесал подбородок.— К тому же здесь дело еще и в... хм... качестве материала. Когда Берхоффиц, Вер-Иллен и остальные получили приказ поделиться людьми с нашим полком, они прислали наименее ценных. И я их за это совершенно не виню, сам бы сделал так же. Не то чтобы эти парни были совсем уж никчомушными, но наверняка — менее опытны и куда норовистей прочих; они — те, кого ставят в дозор, когда